

Колосов Н. А. Ватиканский собор: К 25-летию провозглашения католического догмата о папской непогрешимости // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 9. С. 345–362 (2-я пагин.).

ВАТИКАНСКИЙ СОБОРЪ.

На двадцатипятилѣтію провозглашенія католическаго догмата о папской непогрѣшимости.

Аще азъ свидѣтельствую о умѣ, свидѣтельство мое истинно (Іоан. 5, 31).

....„Таковъ есть догматъ, истекающій изъ Божественнаго Откровенія: когда римскій первосвященникъ... въ силу верховной апостольской власти, опредѣляетъ, что такое-то ученіе касательно вѣры и нравственности должна соблюдать вся церковь, то онъ, при Божественномъ содѣйствіи, обѣщанномъ ему въ лицѣ святаго Петра, вполне пользуется тою непогрѣшимостью, которою Божественный Искупитель благоволилъ надѣлать Свою церковь... и вслѣдствіе этого таковыя опредѣленія римскаго первосвященника не подлежатъ измѣненію сами по себѣ, а не съ согласія только церкви...“ (Изъ опредѣленія Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папы).

Въ наше время всевозможныхъ юбилеевъ не остается безъ юбилейнаго празднованія или воспоминанія ни одно сколько-нибудь важное историческое событіе. Празднуются событія радостныя и торжественныя, воспоминаются событія печальныя. И если понятно празднованіе первыхъ, то умѣстно бываетъ иногда и *воспоминаніе* вторыхъ, какъ историческихъ уроковъ, заключающихъ въ себѣ нерѣдко залогъ обновленія и исправленія. Въ виду этого будетъ нелишнимъ напомнить и объ одномъ событіи, происходившемъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ католическомъ Римѣ, тѣмъ бо-

лѣе, что событіе это, какъ увидимъ ниже, вызвало столько ожиданій и такой громаднѣй интересъ, какой рѣдко можно встрѣтить въ наше время къ вопросамъ вѣры. Мы разумѣемъ Ватиканскій соборъ 1869—1870 гг. и провозглашеніе на немъ 6-го (18-го) іюля 1870 года новаго католическаго догмата—о непогрѣшимости папы.

Догматъ папской непогрѣшимости — эта апофеоза и послѣднее слово папской системы и обоготвореніе папы — имѣетъ самую тѣсную логическую связь какъ со всею системою римскаго католичества такъ въ особенности и съ ученіемъ о главенствѣ папы въ церкви; и той и другаго онъ составляетъ вѣнецъ и завершеніе; система римскаго католичества не можетъ быть даже мыслима безъ непогрѣшимаго папы. Церковь непогрѣшима, а папа есть глава церкви, слѣд., онъ непогрѣшимъ. На папахъ опочилъ тотъ духъ властительства и владычества, который царилъ въ древнемъ языческомъ Римѣ, а историческія обстоятельства способствовали его развитію до крайней степени. Но тогда какъ ученіе о главенствѣ въ церкви настойчиво и усиленно проводилось папами съ самыхъ древнихъ временъ и издавна утвердилось въ римской церкви, ученіе о непогрѣшимости папы утверждено лишь въ самое послѣднее время и, повидимому, было чуждо самимъ папамъ. Такъ папы Урбанъ V, Бенедиктъ XII, Адрианъ VI и Павелъ IV открыто утверждали, что папы подвержены заблужденію наравнѣ со всѣми прочими людьми ¹⁾.

Но было бы ошибочно думать, что этого ученія не существовало въ римской церкви въ прежнее время. Оно существовало тамъ издавна, но не въ видѣ открытаго, всѣми признаваемаго ученія, а въ видѣ лишь мнѣнія; точнѣе сказать: оно постоянно *подразумывалось*, когда рѣчь шла о главенствѣ папы, какъ естественный, логическій выводъ изъ этого послѣдняго ученія. На практикѣ же вопросъ о непогрѣшимости уже давно рѣшался папами въ положительномъ смыслѣ, рѣшался массою издававшихся папами отъ своего лица декретовъ по разнымъ вопросамъ христіанскаго благочестія и нравственности, церковной дисциплины

¹⁾ Ястребовъ. Католическій догматъ о непогрѣшимости папы („Труды Кіевск. Духовн. Академ.“ 1881 г. т. 3-й стр. 289—290).

и богослужебнаго порядка и въ особенности самовольными догматическими отступленіями папъ отъ древняго права: вставкою *filioque* въ Символь Вѣры, признаніемъ авторитета папы выше авторитета вселенскихъ соборовъ и др. многочисленными нововведеніями римской церкви. Въ пользу непогрѣшимости раздавались и разсужденія нѣкоторыхъ папъ прежняго времени, въ особенности Геласія I, Гормизды I и Агаѳона I. Флорентійскій соборъ провозгласилъ папу „главою всей церкви и учителемъ всѣхъ христіанъ“. Болѣе опредѣленно ученіе о непогрѣшимости папъ было высказано лишь извѣстнымъ схоластическимъ богословомъ XIII вѣка Томою Аквинатомъ, который свои доводы въ пользу непогрѣшимости папы заимствовалъ только изъ наполненныхъ подлогами каноническихъ сборниковъ: Граціана, бодонскаго монаха половины XII в., и такъ назыв. Псевдокириллова, неизвѣстнаго составителя, половины XIII в. До половины же XIII в. никто изъ цѣлаго ряда знаменитыхъ схоластическихъ теологовъ (Анзельмъ Кентерберійскій, Пётръ Домбардскій, Бернардъ Клервосскій, Альбертъ Великій и др.) не высказывалъ этого ученія. И вообще положеніе ученія о папской непогрѣшимости было весьма неопредѣленнымъ. На признаніи своей непогрѣшимости не настаивали ни тѣ папы, которые считали себя непогрѣшимыми, ни даже такіе папы абсолютисты, какъ Адріанъ II и Иннокентій III ¹⁾. Въ неопредѣленномъ положеніи оставалось ученіе о непогрѣшимости и послѣ Тома Аквината, и хотя съ одной стороны нѣкоторые изъ католическихъ богослововъ, напр. Торквемада, Каэтанъ, Мельхіоръ Кано и др., защищали и развивали его даже съ большими крайностями, нежели какъ оно было формулировано на Ватиканскомъ соборѣ, но съ другой стороны никто изъ папъ (за исключеніемъ развѣ лишь Павла IV—въ его знаменитой буллѣ: „*Cum ex apostolatus officio*“...) не рѣшался высказать его прямо и открыто, хотя нѣкоторые папы того времени, какъ Иннокентій X и Григорій XVI, наивно воображали, что они настолько непогрѣшимы, что не могутъ ошибаться даже ни въ наукѣ ни въ финансовыхъ дѣлахъ и „знаютъ все самымъ лучшимъ

¹⁾ Бѣляевъ. Догматъ папской непогрѣшимости. Вып. 1-й. Казань, 1882. Стр. 213—221.

образомъ“¹⁾. Съ Льва X ученіе о непогрѣшимости стало высказываться уже рѣшительнѣе, а съ 16-го столѣтія, когда началось господство іезуитовъ, - его приняли подъ свою защиту эти послѣдніе и выдвинули самыхъ ярыхъ защитниковъ и проповѣдниковъ его (Беллармина и др.).

Насколько очевидно для посторонняго глаза было существованіе въ римской церкви ученія о непогрѣшимости папы, лучше всего видно изъ того, что уже въ чинѣ присоединенія христіанскихъ иновѣрцевъ къ православію вопросъ шестой, предлагаемый приходящему къ православной церкви отъ латинскаго вѣроисповѣданія гласилъ: „Отрицаешься ли отъ неправаго мнѣнія тѣхъ, иже римскаго папу мнѣть быти выша вселенскихъ соборовъ и *непогрѣшительна въ вѣръ*“... Хомяковъ въ своихъ „Письмахъ о западныхъ исповѣданіяхъ“, писанныхъ въ пятидесятыхъ годахъ, слѣд., гораздо раньше Ватиканскаго собора, прямо говоритъ о папской непогрѣшимости²⁾.

Печальная слава виновника созванія Ватиканскаго собора и возведенія ученія о непогрѣшимости папы на степень догмата принадлежитъ предѣстнику нынѣшняго папы Пію IX († въ 1878 г.), извѣстному установленіемъ еще и другаго католическаго догмата—о Непорочномъ Зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи—въ 1854 г. Замѣчательно, что вступленіе на престоль этого папы (въ 1846 году) возбудило было повсюду самыя свѣтлыя надежды и ожиданія вслѣдствіе благо-

1) Бѣляевъ. Теорія папской непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи („Православн. Собесѣдл.“ 1881 г. т. 3-й, стр. 262—267. Янусъ. Папа и соборъ. Переводъ Ладинскаго. Стр. 410-я и далѣе, 449—451. „Въ душѣ такого человѣка, говоритъ Янусъ, тотчасъ образуется лестный взглядъ, что его желанія и мысли происходятъ отъ Божественнаго вдохновенія, что онъ находится подъ особеннымъ благодатнымъ управленіемъ неба и что въ силу его достоинства ему досталась на долю какъ полнота власти, такъ и полнота истивы и познанія. Онъ повѣритъ этому тѣмъ легче и ухватится за это тѣмъ скорѣе, чѣмъ незначительнѣе его познанія и чѣмъ менѣе онъ имѣтъ понятія о тѣхъ трудностяхъ и сомнѣніяхъ, которые удерживаютъ ученаго богослова отъ принятія того или другаго мнѣнія. При этомъ самый благомыслящій папа можетъ вообразить себѣ, что онъ далекъ отъ всякаго самопревозношенія и есть только смиренный органъ говорящаго чрезъ него Духа Господня.“ (Стр. 449—450).

2) Сочиненія А. С. Хомякова, издан. 3-е (Москва, 1886) т. 2-й, стр. 52, 53, 55, 72, 78, 108, 191 и др.

родства его характера и умѣреннаго образа мыслей. Но такова ужъ сила ультрамонтанскихъ ¹⁾ традицій римской куріи и пагубное вліяніе чрезмѣрной власти надъ совѣстью людей, что папамъ трудно сохранить въ себѣ благородство и умѣренность. „Если при этомъ папа, говоритъ Янусъ ²⁾, питаетъ мнѣніе, что онъ есть непогрѣшимый органъ Духа Божія, и знаетъ, что его опредѣленія въ дѣлахъ религиозныхъ и нравственныхъ будутъ приняты съ внутреннею покорностью милліонами людей, то почти невозможно, чтобы онъ сохранилъ постоянную трезвость духа. Къ этому присоединяется представленіе... что папа есть особенное благодатное орудіе для исполненія опредѣленій Божіихъ о церкви и человѣчествѣ. Опасность самопревозношенія здѣсь тѣмъ больше, что обладаніе этою властью имѣетъ особенную соблазнительную прелесть и производитъ самообольщеніе, по которому страсть властолюбія легко прикрывается заботою о спасеніи другихъ. Вся жизнь папы, съ того момента, какъ онъ, посаженный на адтаръ, принимаетъ первое цѣлованіе ноги, есть непрерывный рядъ чествованій. Все разсчитано, чтобы укрѣпить папу въ той мысли, что между нимъ и остальными смертными утвердилась страшная (ненаполнимая) пропасть, такъ что самый твердый характеръ, отуманенный столькими чествованіями, можетъ, наконецъ, пасть предъ искушеніемъ, превышающимъ человѣческія силы“. Самые лучшіе папы изнемогали въ этой неравной борьбѣ. Недаромъ нѣкоторые папы, какъ напр. Марцелль II, при своемъ вступленіи на престоль, оплакивали самихъ себя, предвидя свое близкое и неизбѣжное паденіе и боясь его. Папы Климентъ VII, Павель IV, Пій IV, Иннокентій X, Александръ VI и многіе другіе до восшествія своего на папскій престоль были люди самыхъ лучшихъ намѣреній и качествъ и оставили по себѣ память жестокихъ и развратныхъ деспотовъ ³⁾.

¹⁾ Ультрамонтанами (отъ ultra и montes), въ отличіе отъ галликанъ, называются собственно итальянскіе (заальпіискіе) католики, а въ переносномъ смыслѣ всѣ сторонники и защитники свѣтской власти папъ и самыхъ крайнихъ ихъ притязаній. Главнымъ представителемъ этой партіи былъ иезуитскій богословъ кардиналъ Белларминъ.

²⁾ Янусъ. Папа и соборъ, стр. 451—452.

³⁾ Тамъ же. Стр. 452—456.

Что же касается Пія IX, то онъ скоро подпалъ вліянію іезуитовъ, сдѣлавшись, по выраженію Овербека ¹⁾, „игорнымъ шаромъ въ ихъ рукахъ“, и своего секретаря кардинала Антонелли, чловѣка хитраго и крайняго ультрамонтана, и вскорѣ же изъ умѣреннаго и даже либеральнаго папы сдѣлался такимъ нетерпимымъ и абсолютистомъ, что превзошелъ собою въ этомъ отношеніи даже Григорія VII и Иннокентія III. Видя, какъ быстро падаютъ въ послѣднія столѣтія власть и вліяніе папы, онъ рѣшился по крайней мѣрѣ теоретически возвысить папскую власть и авторитетъ до самаго крайняго предѣла и увѣнчать ученіе о папской власти догматомъ папской непогрѣшимости.

Выше было замѣчено, что самыми яркими защитниками и проповѣдниками этого ученія были іезуиты. Они-то и внушили Пію IX и укрѣпили въ немъ пагубную рѣшимость возвести это ученіе въ догматъ. Благодаря ихъ же вліянію было въ 1854 г. возведено въ догматъ ученіе о Непорочномъ Зачатіи Пресв. Дѣвы маріи. Еще за нѣсколько лѣтъ до Ватиканскаго собора главный ихъ органъ *Civiltà catholica* началъ шумную и упорную агитацію въ пользу ученія о непогрѣшимости. Въ 1864 году изданъ былъ такъ называемый Силлабусъ ²⁾, надѣлавшій такъ много шума и содержавшій въ себѣ рѣшительное и безпощадное осужденіе всѣхъ нравственно-религіозныхъ, философскихъ, научныхъ, соціальныхъ и всякихъ иныхъ мнѣній и ученій, такъ или иначе противорѣчившихъ папскимъ притязаніямъ на главенство и непогрѣшимость. Когда нашли, что общество достаточно уже подготовлено къ провозглашенію новаго догмата, рѣшено было созвать для этой цѣли соборъ въ Римѣ, въ Ватиканѣ. Открытіе собора назначено было на 26-е ноября (8-е декабря) 1869 года.

Первыя же извѣстія о предстоящемъ соборѣ вызвали повсюду на Западѣ, и не только въ католическомъ, но и

¹⁾ Овербекъ. Единственный нѣрный исходъ для либеральныхъ членовъ римско-католической церкви „Христіан. Чтеніе“ 1870 г. Ч. 2-я, стр. 980-я.

²⁾ Т. е. сборникъ, перечень заблужденій—*Syllabus errorum*.... какъ начинается полное его названіе. Папскія буллы и энциклики обыкновенно называются по тѣмъ словамъ, съ которыхъ онѣ начинаются. Содержаніе Силлабуса—въ ст. Ив. Пл—ва: О значеніи Индекса и Силлабуса въ католическомъ мірѣ и ихъ взаимномъ отношеніи („Вѣра и Разумъ“ 1887 г. отд. церковн. Ч. II стр. 91—109).

въ протестантскомъ мірѣ, сильное возбужденіе. „Газеты и журналы Запада, писаль въ редакцію „Христіанскаго Чтенія“ протоіерей К. А. Кустодіевъ, теперь наполняются свѣдѣніями, толками и разсужденіями о римскомъ соборѣ до того, что можно подумать, будто всѣ они превратились въ его спеціальныя органы... Этимъ предметомъ интересуется общество; онъ служитъ предметомъ разговора въ семействахъ, при встрѣчахъ на дорогѣ, не только между католиками, но и протестантами; не только между тѣми, кому дороги религіозныя интересы, но и между тѣми, кто едва ли почти-что не забылъ о Богѣ и о религіи. Я видѣлъ, съ какимъ судорожнымъ интересомъ слѣдить за римскимъ соборомъ состоящая изъ больныхъ англиканская колонія остр. Мадеры; я слышалъ самыя оживленныя разсужденія и споры о томъ же всюду въ гостинницахъ, за столами, между людьми, которые, повидимому, потеряли интересъ ко всему, что не перекладывается на цифры; со мною дѣлились новостями, вызывали на разговоръ о томъ же всѣ мои дорожные знакомцы“ ¹⁾. Но возбужденіе это было по бѣльшей части далеко не въ пользу новаго догмата. Даже во многихъ католическихъ ученыхъ предстоящее провозглашеніе догмата о непогрѣшимости встрѣтило себѣ положительное и явное осужденіе. Въ католическомъ мірѣ повсюду раздавались опасенія, что новый догматъ будетъ самоубійствомъ церкви, что онъ погубитъ церковь, произведетъ церковную революцію, отторгнетъ отъ католичества цѣлыя церкви (напр. французскую, сѣверо-американскую, армянскую), замедлитъ дѣло соединенія церквей и обращеніе еретиковъ и невѣрныхъ и произведетъ самое глубокое и тяжелое впечатлѣніе не только на римскую церковь, но и на весь христіанскій міръ. Православныя богословы надѣялись, что соборъ „покажетъ римскую церковь въ ея надлежащемъ свѣтѣ, многимъ и многимъ откроетъ глаза, чтобы не искать въ ней того, чего въ ней нѣтъ, и чтобы устремить просвѣтленный взоръ куда-нибудь въ иную сторону“ ²⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасались, что „обоготвореніе папы произведетъ на Западѣ большое

¹⁾ Письма о современномъ состояніи религіозной жизни за границей („Христіанск. Чтеніе“ 1870 г. ч. I стр. 921-я).

²⁾ Тамъ же, стр. 923—924.

опустошеніе въ рядахъ католиковъ... такъ какъ даже догматъ о Непорочномъ Зачатіи многихъ вѣрующихъ, подъ разъясненіями и насмѣшками невѣрующихъ, превратилъ въ атеистовъ“¹⁾. Свѣтскія же правительства заявляли, что „неисчислимы тѣ послѣдствія, которыя готовитъ соборъ своею новизной: она произведетъ страшное замѣшательство въ отношеніяхъ всѣхъ правительствъ къ римскому престолу. Отнынѣ нельзя будетъ препираться болѣе съ папою: съ непогрѣшимымъ не препираются... Зачѣмъ разсужденія или переговоры, когда папа однимъ словомъ все разрѣшить... Ученіе о непогрѣшимости совершенно его изолируетъ; оно порождаетъ навсегда дипломатическій разрывъ и постоянный антогонизмъ между римскою куріей и всѣми вообще властями Европы“²⁾.

Наиболѣе сильной критикѣ подвергъ новый догматъ профессоръ церковной исторіи въ Мюнхенскомъ университетѣ (въ Баваріи) Дѣллингеръ, знаменитый ученый и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древней церковной исторіи, посвятившій изученію и разработкѣ ея почти пятьдесятъ лѣтъ своей жизни. При первыхъ же извѣстіяхъ о предстоящемъ соборѣ онъ напечаталъ въ „Всеобщей Аугсбургской Газетѣ“ (Allgemeine Augsburger Zeitung), подъ псевдонимомъ Януса, рядъ писемъ, въ которыхъ изобличалъ подлоги и фальсификаціи папъ и доказывалъ, что истинный соборъ въ римской церкви невозможенъ³⁾. Такой же критикѣ подвергли новый догматъ: другой извѣстный нѣмецкій ученый, богословъ Михелисъ, во Франціи епископъ Орлеанскій Дюнанлу, деканъ Сорбонны епископъ Марэ⁴⁾, ученый аббатъ и членъ французской Академіи Гратри, о. Іакинѣъ (Гіадивъ), кармелитскій монахъ, знаменитый проповѣдникъ Собора Парижской Богоматери, и др. Кромѣ того, въ Германіи,

¹⁾ Православн. Обзорѣніе“ 1870 г., Извѣстія и Замятки, стр. 106—107.

²⁾ Овербекъ, стр. 814—815.

³⁾ Письма эти потомъ вышли отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Папа и соборъ“. Эта книга перенедена и на русскій языкъ—прот. Ладинскимъ Берлинъ—С.-Петербургъ, 1870). Теперь окончательно установленъ принадлежность этой книги Дѣллингеру. По смерти Дѣллингера, эта книга явилась (въ 1892 г.) въ пересмотрѣнномъ (проф. Фридрихомъ) видѣ подъ заглавіемъ: „Папство“ (Das Papsthum). Бѣляевъ Происхожденіе старокатоличества, Москва, 1892, стр. 5—6).

⁴⁾ В. Добронравовъ. Десять лѣтъ изъ исторіи старокатолическаго движенія. (1871—1881 гг.) „Христ. Чтен.“ 1890 г. ч. II стр. 259—260).

Швейцаріи и Италіи появился въ томъ же духѣ цѣлый рядъ сочиненій, между прочимъ анонимныхъ.

Предъ созваніемъ собора папа обратился къ православнымъ восточнымъ патріархамъ, протестантамъ и др. не-католикамъ съ приглашеніемъ прибыть на соборъ и подчиниться его опредѣленіямъ. Патріархи опротестовали это приглашеніе ¹⁾; изъ протестантовъ же только нѣкоторые нидерландскіе богословы послали папѣ отвѣты, но и то далеко не лестные для папства ²⁾, большая же часть получившихъ приглашеніе даже не удостоила папу отвѣта.

Возбужденіе противъ предполагавшагося собора въ католической Германіи было такъ сильно, что баварское правительство пыталось даже, хотя и неудачно, помѣшати созванію собора. Богословскій факультетъ мюнхенскаго университета, на запросъ баварскаго правительства, высказался противъ собора. Католическіе нѣмецкіе епископы получили относительно собора многочисленные запросы отъ своихъ паствъ и должны были, отправляясь на соборъ, обнародовать по этому поводу успокоительное посланіе. Но всѣ эти признаки недовольства нисколько не смущали ультрамонтанъ и іезуитовъ.

Эти послѣдніе еще за нѣсколько лѣтъ до созванія собора стали распространять многочисленныя печатныя сочиненія, въ которыхъ доказывали необходимость возведенія въ догматъ папской непогрѣшимости. А римская курія, чтобы обезпечить успѣхъ собора, въ виду неблагоприятнаго отношенія къ нему общества, и произвести религіозное возбужденіе въ пользу папы, не щадила ни денегъ, ни папскихъ благословеній, ни иныхъ поощреній для защитниковъ и пропагандистовъ этого ученія. И всетаки мѣры эти казались недостаточными. Поэтому еще за два года до созванія собора особыми комиссіями, назначенными папою, были въ точности опредѣлены не только внѣшняя, формальная сторона дѣятельности будущаго собора, но даже и самыя рѣшенія, которыя онъ долженъ былъ постановить; послѣднія, впрочемъ, повидимому (только *повидимому*, какъ увидимъ ниже), лишь условно, т. е. съ пра-

¹⁾ Бѣляевъ. О католицизмѣ. (Казань, 1889). Стр. 216-я.

²⁾ См. о нихъ „Христіанск. Чтеніе“ 1870 г. Ч. 1-я Стр. 288—312.

вомъ собора отнестись къ нимъ самостоятельно ¹⁾. Но и этого казалось мало. Нужно было обезпечить новому догмату несомнѣнное большинство на соборѣ, и съ этою цѣлью папа въ послѣдніе два года предъ созваніемъ собора посвятилъ нѣсколько десятковъ *безмѣстныхъ* епископовъ, такъ назыв. *in partibus*, каеедры которыхъ, по выраженію насмѣшниковъ, находились на лунѣ. Затѣмъ, приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы на соборѣ и въ соборныхъ разсужденіяхъ не было и тѣни свободы, хотя папа въ своихъ призывныхъ грамотахъ обѣщаль отцамъ собора полную свободу разсужденій, и чтобы всякій протестъ на соборѣ былъ подавленъ въ самомъ началѣ. Соборъ нуженъ былъ здѣсь только для помпы, для того, чтобы придать провозглашенію новаго догмата церковную *обстановку*, а вовсе не для рѣшенія вопроса, который былъ рѣшенъ задолго до него. Прежде всего разсужденія на соборѣ должны были происходить на латинскомъ языкѣ, на которомъ свободно говорить могли только весьма немногіе изъ присутствовавшихъ на соборѣ и пониманіе котораго еще крайне усложнялось благодаря различному произношенію. Затѣмъ, порядокъ для соборныхъ засѣданій былъ опредѣленъ слѣдующій. Общія собранія отцовъ собора должны были раздѣляться на секретныя и публичныя. Обсужденіе предлагаемыхъ декретовъ допускалось только на секретныхъ собраніяхъ; на публичныхъ же засѣданіяхъ отцы собора должны были только, по прочтеніи уже постановленныхъ декретовъ говорить лишь: *placet* или: *non placet* (т. е. угодно или не угодно принять). Нужно прибавить къ этому, что на публичныхъ засѣданіяхъ собора присутствовалъ и самъ папа; поэтому противникамъ новаго догмата приходилось говорить свое *non placet* прямо такъ сказать въ лицо папѣ. Да и публичнаго въ этихъ засѣданіяхъ были лишь тѣ церемоніи, которыми эти засѣданія начинались и оканчивались; во время же самаго голосованія всѣ посторонніе высылались вонъ изъ залы собора. Опредѣленія на соборѣ рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ не дѣлалось никакого различія между представителями громадныхъ епархій и безмѣстными епископами, и такимъ образомъ открыто

¹⁾ Содержаніе регламента соборныхъ засѣданій см. въ „Христіанск. Чтенія“ 1870 г. ч. I стр. 925—937.

нарушено было всеобщее и древнее церковное преданіе, котораго не нарушилъ и Тридентскій соборъ и по которому соборныя опредѣленія постановлялись не по большинству лишь голосовъ, а по всеобщему и единодушному согласію. Но и на секретныхъ засѣданіяхъ собора на самомъ дѣлѣ было не обсужденіе декретовъ, а лишь пародія на это. Желаящіе говорить на этихъ собраніяхъ записывались заранее, причемъ должны были представлять и самыя рѣчи, написанныя непременно на латинскомъ языкѣ, и говорили по старшинству или іерархическому достоинству—все равно, за или противъ обсуждаемаго декрета была рѣчь—порядокъ рѣчей не нарушался, возраженій не допускалось. Вся сила, такъ сказать лабораторія соборныхъ рѣшеній, заключалась не въ этихъ собраніяхъ, а въ особыхъ конгрегаціяхъ, которыхъ было пять. Главною изъ нихъ была конгрегація для принятія предложеній говорить на соборѣ (въ нее и поступали всѣ такія заявленія), состоящая изъ 25-ти кардиналовъ и епископовъ, *избранныхъ самимъ папою*. Понятно, что конгрегація эта не допускала произнесенія рѣчей, явно неугодныхъ папѣ. Кромѣ этой главной конгрегаціи уже самъ соборъ избиралъ четыре другихъ: 1) для предметовъ вѣры, 2) дисциплины, 3) монашескихъ орденовъ и 4) дѣлъ Востока (*de fide, de disciplina, de regularibus, de ritu orientali*), каждая изъ двадцати пяти членовъ, куда поступали проекты декретовъ, заготовленныхъ, какъ мы уже видѣли, заранее, но встрѣтившихъ возраженія на общихъ собраніяхъ. Но зависимость и этихъ конгрегацій отъ собора была на самомъ дѣлѣ лишь номинальная, такъ какъ председатели ихъ назначались папою и въ свою очередь отъ себя уже назначали секретарей. При этомъ, благодаря усиліямъ римской куріи и ультрамонтанъ, въ эти конгрегаціи вошло не мало лицъ преданныхъ папѣ. Кромѣ того, всѣ должностныя лица собора были также назначены папою. Такимъ образомъ по организаци и дисциплинѣ соборъ представлялъ собою механизмъ, всѣ пружины котораго находились въ рукахъ папы. Для публичныхъ появленій папы былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже придуманъ новый привѣтственный кликъ: „Да здравствуетъ Шій Девятый, непогрѣшимый папа!“¹⁾.

1) Овербекъ, стр. 817-я.

Самая зала собранія (для нея была приспособлена одна изъ боковыхъ капелль собора св. Петра, именно громаднѣйшая капелла свв. Процесса и Мартиніана), была выбрана крайне неудачно. Въ ней на первыхъ порахъ нельзя было слышать ни одного слова. И хотя впоследствии въ ней въ акустическомъ отношеніи были сдѣланы улучшенія, но и послѣ того голосъ оратора едва достигалъ четверти слушателей. Одинъ кардиналь, сидѣвшій довольно близко отъ трибуны, признавался спустя три или четыре мѣсяца по открытіи собора, что за все это время онъ слышалъ только четыре слова. Всѣ непубличные засѣданія собора и, слѣд., весь ходъ соборныхъ работъ былъ облеченъ строжайшею тайною. Гласность, которая всегда и всюду считалась необходимою принадлежностью соборныхъ разсужденій была здѣсь совершенно уничтожена „sub ропа gravi“ (т. е. подъ страхомъ тяжкаго наказанія ¹⁾). Ораторамъ не дозволялось не только печатать своихъ рѣчей, но даже сообщать ихъ своимъ товарищамъ. Даже печати папской было запрещено во все время собора апологія вопроса о непогрѣшимости изъ опасенія, чтобы апологія эта не вызвала полемики. Только проповѣдники были не только свободны отъ этого запрещенія, но напротивъ, получили прямые приказанія настойчиво проповѣдывать и защищать ученіе о непогрѣшимости. Въмѣстѣ съ тѣмъ усилилось давленіе римской куріи на богослововъ, и даже самъ папа (фактъ безпримѣрный!) открыто выступилъ въ этой агитаціи въ свою личную пользу, открыто осуждалъ противниковъ непогрѣшимости и рассылалъ во множествѣ благодарственныхъ браве защитникамъ и проповѣдникамъ ея и такимъ обр. производилъ открытое и сильное давленіе на отцевъ собора. Наиболе покорнымъ изъ нихъ были обѣщаны видныя мѣста; однихъ кардинальскихъ шапокъ было, какъ говорятъ, заготовлено 18. Понятно отсюда, могла ли быть свобода въ соборныхъ разсужденіяхъ.

Но кто же были тѣ, кому предстояло произнести свое сужденіе о предлагаемомъ догматѣ, принять или отвергнуть

¹⁾ Любопытно, что не смотря на всѣ запрещенія и предосторожности, Аугсбургская Всеобщая Газета (а отчасти и нѣкоторыя другія газеты, французскія и нѣмецкія) во все время собора получала и сообщала день за днемъ весьма точныя и подробныя свѣдѣнія о ходѣ соборныхъ разсужденій и о происшествіяхъ на соборѣ.

его? Число епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ съ правомъ голоса, доходило до 770-ти. Громадное большинство изъ нихъ или находились въ полной зависимости отъ папы или были его усердными слугами, а многіе (около 300), кромѣ того, во все время собора находились на содержаніи папы. Между прочимъ 276 епископовъ приходилось на одну только Италію съ Папскою Областью (съ населеніемъ въ 25 милліоновъ (въ частности одна лишь Папская Область съ 2^{1/2} милліонами населенія была имѣла своими представителями 143 епископа, тогда какъ Франція, Германія и Португалія, заключавшія въ себѣ почти половину католическаго міра (83 милліона изъ 180-ти) представлены были лишь 156-ю епископами, причемъ напр. епархіи кельнская, бреславская, вѣнская и парижская, имѣвшія каждая почти по два милліона католиковъ, имѣли лишь по одному представителю. Число безмѣстныхъ (*in partibus*) епископовъ, присутствіе которыхъ на соборахъ, всегда вызывало справедливыя жалобы, ни на какомъ соборѣ не достигало такой большой цифры, какъ здѣсь. Такъ какъ принятіе или непринятіе декретовъ на этомъ соборѣ опредѣлялось лишь простымъ большинствомъ голосовъ, безъ всякаго различія степени важности ихъ, то понятно отсюда, какое значеніе имѣло здѣсь преобладаніе епископовъ вполнѣ подвластныхъ или послушныхъ папѣ. Къ этому, наконецъ, нужно прибавить, что многіе епископы, въ особенности итальянскіе, были люди малообразованные, забитые, ослѣпленные блескомъ папскаго двора и церемоній, или, напротивъ, фанатики, притомъ же люди различныхъ нравовъ, языковъ и взглядовъ, явившіеся на соборъ безъ всякой подготовки къ предстоявшимъ на немъ разсужденіямъ, тѣмъ болѣе безъ выработанной программы; что воля папы была слишкомъ хорошо извѣстна, и что было употреблено даже прямое, открытое и усиленное давленіе на соборъ. Епископы Германіи, Америки и нѣкоторыхъ другихъ странъ пріѣхавшіе было на соборъ съ цѣлью критически обсудить предлагаемый догматъ, тотчасъ же по пріѣздѣ должны были убѣдиться, что здѣсь мѣсто не для критики, а лишь для слѣпаго повиновенія.

Ко времени своего открытія соборъ представлялъ двѣ неравныя и почти враждебныя другъ другу партіи: большинство около 500 человекъ, состоявшее изъ фанатиковъ и

усердныхъ слугъ папы и отличавшееся притомъ полнымъ единодушіемъ, и меньшинство около 200 человекъ, состоявшее большею частью изъ людей достойныхъ и ученыхъ, но, къ несчастію, неимѣвшихъ единодушія, такъ какъ и въ этой партіи не всѣ были безусловными противниками предлагаемаго догмата: нѣкоторые находили лишь неблаговременнымъ провозглашеніе его при современныхъ политическихъ обстоятельствахъ, другіе желали лишь точно опредѣлить, при какихъ условіяхъ папа можетъ быть признанъ непогрѣшимымъ, и всѣ вообще были слабы уже однимъ тѣмъ, что признавали главенство папы.

При такихъ обстоятельствахъ, 26-го ноября (8-го декабря) 1869 года какъ и было назначено, послѣ великолѣпныхъ и роскошныхъ процессій и церемоній, былъ открытъ соборъ ¹⁾. Вскорѣ послѣ открытія его партія инфантилистовъ, т. е. сторонниковъ ученія о непогрѣшимости, желая воспользоваться отсутствіемъ единогласія у меньшинства и ускорить провозглашеніе новаго догмата, подала (3-го января 1870 года) папѣ адресъ, покрытый почти 400 подписей, въ которомъ просила его провозгласить свою непогрѣшимость. Адресъ этотъ былъ чистѣйшею продѣлкою іезуитовъ, которые употребляли всевозможныя, даже унижительноя и позорныя средства (напр. вырѣзывали, гдѣ находили, подписи епископовъ и приклеивали къ адресу) ²⁾, чтобы собрать какъ можно болѣе подписей. Узнавъ объ этомъ, меньшинство, въ количествѣ около 150—человекъ, преимущественно нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и восточныхъ епископовъ, подали папѣ контръ-адресъ, но крайне нерѣшительный: въ немъ, не возставая прямо противъ самаго ученія о непогрѣшимости, они указывали лишь

¹⁾ Ватиканскій соборъ въ свое время привлекъ къ себѣ значительное вниманіе русской духовной журналистики, и въ нашихъ духовныхъ журналахъ того времени разсѣяно немало извѣстій о соборѣ и разсужденій о непогрѣшимости папы. Наибольшею обстоятельностью отличаются корреспонденціи о соборѣ прот. К. А. Кустодіева, печатавшіяся въ отдѣлѣ Извѣстій и Замятокъ „Православнаго Обзорнія“, а также статьи свящ. І. Арсеньева: Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора 1869—70г. включительно („Вѣра и Разумъ“ отд. церковн. 1893—1895гг.). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ватиканскомъ Соборѣ есть также въ кн. Керенскаго „Старокатолицизмъ“ (Казань, 1894), стр. 48—57.

²⁾ Овербекъ, стр. 322-я.

на, несвоевременность возведенія его въ догматъ. Понятно, какъ мало значенія могъ имѣть такой адресъ. Если извѣстное ученіе можетъ быть признано догматомъ, то провозгласить его всегда время. — Гораздо сильнѣйшую оппозицію, вобудилъ адресъ инфалибилистовъ за предѣлами Рима. Въ Германіи выступили противъ него знаменитый Дёллингеръ, который напечаталъ въ „Кельнской Газетѣ“ („Kölnische Zeitung“) основательный, хотя все еще не вполне рѣшительный разборъ его ¹⁾ и Михелисъ, во Франціи аббатъ Гратри, изблотившій римскую курію въ цѣломъ рядѣ подлоговъ, и престарѣлый графъ Монталамберъ, бывший глава ультрамонтанской партіи во Франціи ²⁾, въ Англіи Пьюзей, Ньюманъ и др. Дёллингеръ и Гратри за свои протесты получили съ различныхъ сторонъ и отъ различныхъ учреждений и лицъ массу благодарственныхъ адресовъ и писемъ.

Папа поступилъ политично: онъ не принялъ ни того ни другого адреса и приказалъ передать ихъ въ конгрегацію принятія заявленій. Но конгрегація уже не стала стѣсняться: оставивъ безъ всякаго вниманія второй адресъ, она, на основаніи лишь перваго, выработала схему (проектъ опредѣленія) догмата о непогрѣшимости, принятую потомъ и соборомъ. Вскорѣ отцамъ собора была представлена на разсмотрѣніе и другая схема, именно догматическая схема о церкви, составлявшая часть Силлабуса и опредѣлявшая отношеніе римской церкви къ государству — разумѣется, въ духѣ полнѣйшаго подчиненія втораго первой. Схема эта, сдѣлавшаяся извѣстною чрезъ ту же Аугсбургскую Газету, возбудила тревогу въ европейскихъ правительствахъ. Французское правительство сдѣлало по этому поводу римской куріи даже энергическія представленія, но хитрый итальянецъ Антонелли на эти представленія хладнокровно отвѣчалъ, что здѣсь не изъ-за чего тревожиться, такъ какъ содержаніе схемы совсѣмъ не новое: оно взято изъ буллы Пія IV, давно принятой европейскими правительствами.

¹⁾ Изложеніе его — въ ст. И. Т. Осиняна: Нѣсколько словъ по поводу адреса о папской непогрѣшимости („Христіанск. Чтеніе“ 1870 г. ч. I стр. 313—323).

²⁾ Монталамберъ посвятилъ на защиту католической церкви всю свою жизнь и заслужилъ этимъ одобреніе самого папы; но услышавъ, уже на смертномъ одрѣ, о новомъ догматѣ, заявилъ протестъ, „противъ установленія новаго идола въ Ватиканѣ“. (Доброуравовъ. Десять лѣтъ изъ исторіи старо католическаго движенія. („Христ. Чтен.“ 1890 г. ч. 2 стр. 260-я).

Между тѣмъ на общихъ собраніяхъ собора 30-го декабря и 22-го марта произошли два эпизода, особенно встревожившіе іезуитовъ. Оба эти эпизода касались одного изъ присутствовавшихъ на соборъ епископовъ, знаменитаго кроатскаго епископа Штросмайера, человека ученаго и стойкаго и извѣстнаго противника іезуитовъ и ультрамонтанъ. Въ первомъ изъ этихъ собраній обсуждалась схема о вѣрѣ или „догматическая конституція о православной вѣрѣ“, во второмъ — схема, которою предавались анаѳемѣ заблужденія протестантизма. Штросмайеръ говорилъ умѣренно, но противъ ультрамонтанъ. Уже на первомъ изъ этихъ собраній они подняли во время его рѣчи шумъ, такъ что не давали ему говорить; на послѣднемъ же, послѣ нѣсколькихъ перерывовъ его рѣчи, въ особенности когда онъ коснулся условій голосованія на соборѣ, іезуиты и ультрамонтаны окружили кафедру, на которой онъ стоялъ, и подняли такой неистовый шумъ, что находившіеся внѣ залы думали, что на соборѣ дерутся. Штросмайеръ принужденъ былъ сойти съ кафедры, повторяя съ энергіей: „*protestor, protestor, protestor!*“... Эти эпизоды показали іезуитамъ, что собору дано всетаки много свободы въ разсужденіяхъ; поэтому дополнительнымъ регламентомъ отъ 20-го февраля, подъ предлогомъ сокращенія крайней растяннутости соборныхъ разсужденій, былъ установленъ рядъ правилъ, которыми президентамъ конгрегацій давалась полная возможность не допускать произнесенія на соборѣ неугодныхъ папѣ рѣчей и которыми свобода разсужденій на соборѣ окончательно уничтожалась. Болѣе ста епископовъ, оиять преимущественно французскихъ, нѣмецкихъ и восточныхъ, протестовали противъ этого регламента и своеволія римской куріи, но, конечно, совершенно безуспѣшно. Мало этого, нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ восточныхъ епископовъ подверглись открытымъ насиліямъ со стороны іезуитовъ, насиліямъ вызвавшимъ даже пріѣздъ для защиты первыхъ изъ Флоренціи въ Римъ турецкаго посланника.

Мы уже упоминали объ адресахъ, поданныхъ папѣ защитниками и противниками ученія о непогрѣшимости. Первые однако не удовольствовались однимъ адресомъ и, находя, что дѣло идетъ всетаки недостаточно скоро, 28-го января подали папѣ новый адресъ — въ томъ же духѣ, но уже

въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ. На этотъ разъ папа не сталъ уже болѣе стѣсняться. 6-го марта циркуляромъ, разосланнымъ по домамъ (а не врученномъ на соборѣ, во избѣжаніе критики), отцы собора были извѣщены секретаремъ его, что папа соблаговолилъ склониться на просьбы большинства, и что схема о непогрѣшимости папы скоро будетъ окончена догматическою комиссіею и представлена собору. Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней схема эта была предложена собору и, несмотря на неоднократные протесты и даже мольбы оппозиціи, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ и поправокъ, была на общемъ собраніи 1-го (13-го) іюля принята большинствомъ голосовъ, причемъ нѣкоторые дали уклончивый отвѣтъ, другіе, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уклонились отъ голосованія или не явились на него и даже уѣхали изъ Рима. Противъ новаго догмата подали голоса преимущественно представители славнѣйшихъ и многочислннѣйшихъ епархій. А 6-го (18-го) іюля новый догматъ о непогрѣшимости папы былъ провозглашенъ и на публичномъ (4-мъ со времени открытія собора) засѣданіи. Вотъ текстъ этого опредѣленія:

„Неуклонно слѣдуя преданію, восходящему къ началамъ вѣры, для славы Господа Бога нашего, для возвеличенія католической религіи и для спасенія христіанскихъ народовъ, мы поучаемъ и опредѣляемъ, *sacro approbante concilio*, что таковъ есть догматъ истекающій изъ божественнаго откровенія: когда римскій первосвященникъ, говоря *ex cathedra*, т. е. исполняя обязанности пастыря и учителя всѣхъ христіанъ въ силу верховой апостольской власти, опредѣляетъ, что такое-то ученіе касательно вѣры или нравственности должна соблюдать вся церковь, то онъ, при божественномъ содѣйствіи, обѣщанномъ ему въ лицѣ святаго Петра, вполнѣ пользуется тою непогрѣшимостью, которою Божественный Искушитель благоволилъ надѣлать свою церковь, опредѣляющую въ вопросахъ вѣры и нравственности; и вслѣдствіе этого таковыя опредѣленія римскаго первосвященника не подлежатъ измѣненію сами по себѣ, а не съ согласія только церкви. Если кто-нибудь, чего Боже сохрани, возымѣетъ дерзость противорѣчить сему опредѣленію, тому да будетъ анаеема!“

Такимъ образомъ папа былъ сдѣланъ непогрѣшимымъ въ опредѣленіяхъ, касающихся вопросовъ вѣры и нравственности. По прочтеніи опредѣленія, папа привѣтствовалъ собраніе коротенькою рѣчью, въ которой выразилъ явное осужденіе оппозиціи и на которую присутствующіе отвѣчали криками: „Да здравствуетъ папа Пій IX! да здравствуетъ непогрѣшимый папа!“ Члены оппозиціи оставили Римъ наканунѣ этого дня.

Н. Колосовъ.
